

НЕДОСКАЗАННАЯ ИСПОВЕДЬ

Росс. газ. - 1995. - 23 сент. -
с. 7.

Юбилей

В эти дни Сергею Федоровичу Бондарчуку исполнилось бы семьдесят пять лет. Год назад его не стало.

В пору работы над книгой об актерском и режиссерском творчестве мастера я много и часто встречался с Сергеем Федоровичем. Почти каждая наша беседа записывалась на магнитофон. Фрагменты размышлений большого художника о творчестве, об искусстве, о жизни и людях, с которыми работал, предлагаются вниманию читателей.

Не все то правда, что сболтнул язык

— Раньше я мало выступал, потому что боялся собственных мыслей. До перестройки я всегда резко говорил, но до конца не мог быть откровенным. Даже сегодня я думаю о том, что должен сказать, а что не должен. Когда я говорил, что перестройка начинается с самого себя, я пытался сам разобраться в том, с чего надо перестраиваться мне. От многого не откажусь, но многое сегодня я могу говорить более откровенно. Но не до конца. Потому что я считаю, что есть нормы этические, нормы долга перед собой, перед людьми, перед Отечеством. И не все то правда, что сболтнул язык.

В искусстве на первом месте чувство

— Я искал точное определение, что такое мысль. Вот. Всякое одиночное действие ума, разума, рассудка, представление чего-то в уме, идеи, суждения, мнения, соображения, заключения, предположения, выдумка, думка и прочее. Это по Далю. Вот все это противоречит искусству. Потому что в искусстве на первом месте чувство. Когда нас призывали создавать кинематограф мыслящий, кинематограф интеллектуальный, нас уводили от искусства...

Творческая свобода — она внутри художника

— Высшее понимание свободы творчества — это не отсутствие чиновничьих ограничений, не упрощенная структура прохождения, не производственная база. Творческая свобода — она внутри художника. Свободно творить — значит подчиняться вдохновению. А вдохновенные минуты наступают только у талантов, у художников. Ремесленников такие минуты не посещают. Вот в чем разница.

Где домысел, а где истина

— У Эйзенштейна в «Октябре», у Ромма, у тех, кто снимал революцию, — после них много исторических и фактических несоответствий. Не думаю, что Эйзенштейн, например, не знал этого, у него консультантом картины был Подвойский. «Октябрь» снимался по свежим следам, и все-таки там много несоответствий.

Сразу после смерти Ленина вышла книга Троцкого «Уроки Октября», где он утверждал, что на шестьдесят процентов сам лично сделал революцию. Остальные сорок процентов приходятся на счет всех остальных. Это интересно? Я чуть с ума не сошел, пока не разобрался, где истина...
Всю картину я снимал в

подлинных местах. Не отстреливались юнкера, как это показано у Ромма. Эйзенштейн снимал штурм Зимнего на парадной лестнице, а в октябре семнадцатого в том крыле госпиталя был. Я показал его впервые в кино. Пиотровский помог. Он мне показал фотографии и рассказал, где, в каком зале происходили операции. А на главной, парадной лестнице у меня стоят монашки, сестры милосердия и не пускают в госпиталь штурмующих людей. Вот как тогда было. Палаты были забиты калеками, ранеными. Этого ж никто не знает. А это все документ. Может быть, Эйзенштейн и знал, но он побоялся показать госпиталь, потому что его царь основал с самого начала войны 1914 года.

Разве я ретроград?

— В Веймаре у Гете был театр, которому он отдавал много времени. И он говорил, что главное, конечно, в отборе того, что будут ставить на сцене. Если вещь не несет в себе определенного заряда, необходимого для того, чтобы воспитывать актера и зрителя, то не нужно и брать такую вещь. Так говорил Гете.

Сейчас в нашем кинематографе много таких вещей (я имею в виду репертуар), которые ни актера не воспитывают, ни зрителей. Но меня не слушают, говорят, что я ретроград, что погряз в классике и не понимаю современности.

Откуда мы родом

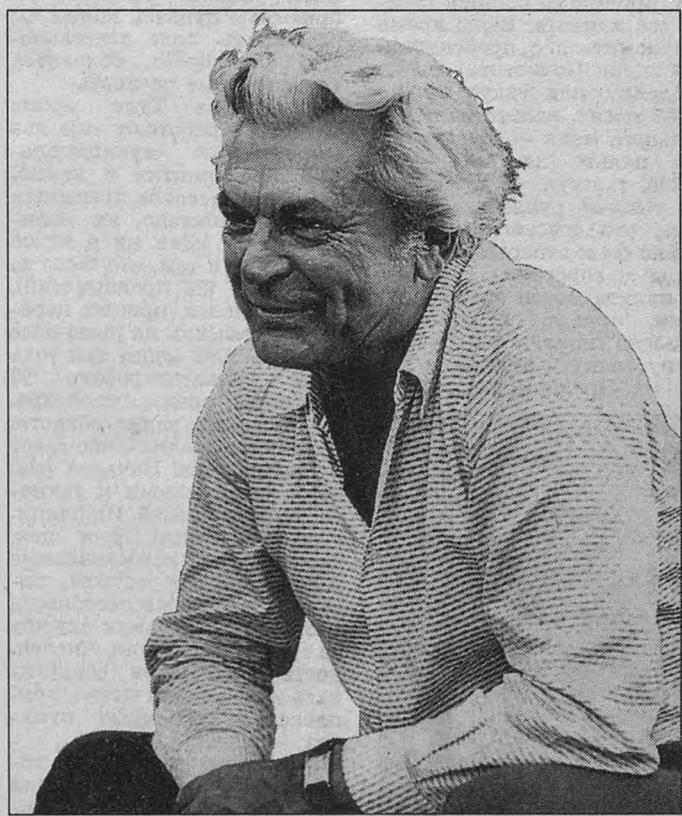
— Как можно дойти до того, чтобы искать у своих родителей, у отца, мамы, у деда качества, которые бы заставили отречься от родителей, от своего рода? А вот в искусстве уже есть такие примеры, когда сын выбрасывает из могилы собственного отца. Это безразлично по отношению к отцу, и этот поступок расценивать как подвиг не следует.

Не надо забывать трагедию донесшего на своего отца Павлика Морозова, которого так прославляла наша пропаганда. С этого, кстати, начинался тридцать седьмой год.

Когда Шукшин заплакал

— Я ему сказал, что «Калину красную» не дадут поставить на студии имени Горького. Уходи, говорю, с этой семейной студии и приходи к нам в Первое творческое объединение. Договорился с Сизовым, директором студии, и с министром, что мы берем Шукшина. Да, пошел к министру и сказал: «Филипп Тимофеевич, вы доверяете мне, вы верите мне как художественному руководителю?». «Да», — говорит. «Мы будем делать «Калину красную». — «Ты что, в уме?» Говорю: «Вы же сказали, что доверяете мне». — «Ну, делай».

Сделали. Повесть ее показывали в Госплан СССР. Народ сидит, ждут. Фильма еще никто не видел. Я при-

ехал, Сизов приехал, Шукшин, еще кто-то. Тут нам говорят: не будет показа. «Как?» Кто-то из высокого начальства распорядился.

Василий побледиел, желваки заходили. И тогда мы решили: будем показывать. Несмотря ни на что.

Показали. Слезы, восторг, обнимают Васю. Василий весь в слезах. Вот такое было...

Совестливость. Но не покаяние

— Самое страшное состояние для человека — муки совести. Пушкин определил это состояние: «когтистый зверь, скребущий сердце». Вот сейчас в нашем народе возрождается это понятие совести. Совесть перед ближним, совесть перед историей, совесть перед культом и т. д. Совесть, но не покаяние. Покаяние — это совсем другое: я каюсь в своих грехах. А пробудить совесть, сознание людей — это великое дело. Бессовестливый человек — он не человек. Это — зверь. Вот Пушкин художественными средствами и показал, как пробуждение совести может убить зверя. И еще плюс приговор народный...

О «Борисе Годунове»

— Я вот сейчас скажу, почему обратился к сцене коронации, которой нет у Пушкина. Она есть в трагедии в намеке: «Бояре, обнажена моя душа...» Это, как известно, из ритуала коронации. А я показал коронацию подробно, целый эпизод сделал. Почему я это сделал? Потому что в этом ритуале присутствует необходимый акт, который требует от царя клятвы перед людьми. И это освящено Богом. А весь ритуал как бы освящает власть.

А что сегодня? В Америке президент кладет руку на Библию, произносит слова клятвы. А у нас генерального секретаря партии просто избирают. И все. А мне кажется, должен быть разработан какой-то ритуал. Он, конечно, не должен быть связан с религией, с Богом, но он должен быть связан с клятвой верности народу, нашим идеалам. Он необходим.

Власть развращает. Любая власть. Власть узурпированная тем более развращает. Борис Годунов узурпировал власть, и мы это видим на протяжении всего повествования. Второй претендент тоже узурпировал власть, Димитрий. Настоящий он или не настоящий, не в этом

дело. А в том, что он претендует на власть. В борьбе двух людей за власть участвуют массы, происходит кровопролитие. А как может решить человек на той или другой стороне, выступая за Бориса или за Димитрия, кто из них прав, а кто виноват?..

Сколько будет существовать государство, всегда будет борьба вокруг власти. Пушкин написал произведение на многие времена. На долгие...

«Тихий Дон» дорогого стоит

— Почему надо снимать «Тихий Дон»? Чтобы сделать достоянием широкого круга людей это величайшее произведение. А снимать собираюсь для телевидения, потому что телевидение располагает громадной аудиторией, которая, надо признать, не знает в массе своей этого шолоховского романа.

Если «Сагу о Форсайтах» наши зрители смотрели в течение многих дней, не отрываясь от экрана, те же «Семнадцать мгновений весны», то почему мы не можем позволить себе погрузиться в мир шолоховских героев, событий того времени? Я не понимаю, почему, имея такую литературу, как «Тихий Дон», мы не можем ее экранизировать? Почему Коротич, как только ему стало известно, что Бондарчук собирается ставить «Тихий Дон», стал вдруг заботиться о сельском хозяйстве? Он выступал по телевидению и сказал, что такая картина будет стоить очень дорого и лучше эти деньги кинуть сейчас на сельское хозяйство.

Много говорим и мало делаем

— Мы много говорим и мало делаем. Самое главное, чтобы каждый день у каждого человека был заполнен конкретными делами. Человек проявляет себя, и это касается не только искусства, не в словах, а в делах, в поступках, в выражении характера. Больше поступков, больше дел, а не разглагольствований, сведения счетов, групповщины, сектанства и всякой, всякой чертовщины, которая укорачивает нашу жизнь, забирает нашу энергию.

В нашем деле, объявлена перестройка или не объявлена перестройка, нельзя останавливаться, нельзя застыть на месте. Надо двигаться, и двигаться только вперед.

Публикация
Анатолия ВЫСТОРОВЦА.
Фото В. КОВАЛЬСКОГО